

Моей Надежде посвящается

Who'd ever thought that Hell would be so cold?

Tom Waits. Lucinda

Откуда было знать, что Ад — это крошечный холод?

Том Уэйтс. Люсинда

Действие первое

ЗАМОРОЗКИ

В обморок лучше всего падать в хвостовом туалете «Боинга-757».

Неплохо, конечно, завалиться с унылым лицом где-нибудь на пляже или на диване среди мягких подушек, но если ни песка, ни дивана в нужный момент не подвернулось, то лучше туалета в хвосте «Боинга» места уже не найдешь.

Каморка настолько тесная, что никто ничем не рискует. Слушаем обычные в такие моменты звонки у себя в голове, привычно им удивляемся, после чего мягко складываемся и сползаем по стеночке. Если стоим лицом к унитазу, колени упрутся в него, поэтому гигиеничнее повернуться к белому другу бочком. Тогда ноги сами собой фиксируют нас, упираясь в панель умывальника, и мы затихаем на полу в позе эмбриона.

Лайнер мчит нас над облаками, в проходе к туалету образуется очередь, стюардессам пора вывозить свою тележку с едой, а мы блаженно отсутствуем. Нас нет ни в салоне самолета, ни в собственном теле, ни в стране грез. Мы нигде, и наша внезапно осиротевшая оболочка со скоростью почти девятьсот километров в час летит спиной к тому промерзшему странному городу, где протекла половина то ли нашей, то ли ее жизни.

В посадочном талоне, который лежит в кармане нашего сильно измятого пиджака, указано имя Eduard Filimonov,

однако даже оно почти не связывает нас и опустевшее скрюченное тело. Усталая пожилая девушка за стойкой регистрации рейса ошиблась, набирая фамилию, а тот, кто знал правильный вариант, не сказал ей об этом. Он еще не был уверен в том, что вообще полетит. Да и говорить было больно. Губы почти не слушались.

* * *

— Эй, как вас там! Режиссер! Проснитесь, пожалуйста... Кто-то сильно тряс Филиппова за плечо.

— Вы меня слышите? Восемь вечера! Просыпайтесь! На самолет опоздаете.

Филиппов оттолкнул чужую мерзкую руку и попытался спрятаться под одеялом. Но одеяла на нем не было. В следующую секунду он понял, что вынырнул из небытия в самое жуткое, самое бесчеловечное похмелье. От обиды на себя Филиппов застонал.

— Только не надо прикидываться, — сказал мерзкий голос, прилагавшийся к мерзкой руке. — Ничего у вас не болит. Утром еще скакали по всей квартире. И не надо меня пинать, пожалуйста... Сами же просили вас разбудить. Я уже такси вызвала. Вам в Домодедово, правильно?

Филиппов хотел приподнять голову, но головы на нем тоже не было. Вернее, она была, но чья-то чужая. Кто-то забыл на нем свою голову — гадкую, липкую, непослушную. Чужая голова не приподнялась. Все остальные органы и части тела немедленно присоединились к этому параду суверенитетов. Желудок требовал отнести его туда, где

можно стошнить; лоб умолял, чтобы в него больше не лили раскаленный свинец; язык и гортань мечтали об айсбергах; а руки скромно хотели дрожать и покрываться испариной. Филиппов чувствовал себя как Советский Союз в девяносто первом году. Он распадался на части. Все это было как будто он умер, только намного хуже.

По поводу смерти Филиппов годам к сорока понял, что, уходя, он просто станет равен себе приходящему, и перестал активно напрягаться на эту тему. До сорока напрягался, но потом отпустило. Ведь не было его, такого замечательного, талантливого и неповторимого до определенной точки во времени, до двух закорючек в календаре. Точно так же не будет и после другой цифры. Он просто выйдет за скобки, и уравнение будет решено. А решить уравнение — значит найти его корни. В этом смысле он сравнивал себя со старым хитрым китайцем, который рыщет по горам в поисках каких-то волшебных корешков. Нашел корешок — уравнение решено. А вместе с ним и бессмертие. Потому что после смерти Филиппов собирался лишь уравниваться с тем существом, которого не было тут сорок два года тому назад, которое тусило до момента рождения непонятно где и уж наверняка ни о какой смерти не заморачивалось. Он планировал просто поставить знак равенства между собой и этим прикольным, ни на что не заморачивающимся существом. Вся разница для него между тем, что было до скобок, и тем, что будет после них, состояла теперь в десятке-другом остающихся после него фотографий, которые несомненно были зло, потому что никому ведь не приходило в голову рыдать над ними или вставлять их в траурные рамки до твоего рождения — скажем, на том

основании, что тебя еще нет в этом мире и что все вокруг заждались, а ты никак не появляешься на белый свет. Это уже потом они взяли моду. Привыкли, что ты в зоне доступа, и про знак равенства им невдомек. Так что смерти как таковой Филиппов почти не боялся. Похмелье было страшней.

— Вы будете вставать или нет? Что я скажу таксисту?

Поразмышляв о своем уходе, Филиппов смирился с необходимостью жить и постарался собрать все восставшие органы воедино. Даже самая шаткая консолидация возможна лишь при наличии сильного лидера.

— Где я? — выдавил он, преодолевая невыносимый для любого другого индивидуума приступ тошноты.

— В прихожей, — злорадно ответил мерзкий голос.

Филиппов разлепил то, что у него осталось вместо глаз, и обвел этим то, что удалось обвести. В поле зрения попало совсем немного — фрагмент стены, обклеенной старыми фотографиями; белокурая прядь, очевидно принадлежавшая мерзкому голосу; спинка кожаного дивана, на котором он, собственно, и проснулся. Точнее, пришел в себя. Диван действительно стоял в огромной прихожей. Филиппов сумел понять это со второй попытки. Прямо напротив темнела массивная входная дверь.

— Может, хватит щуриться? Я сама, что ли, таксисту буду платить?

Филиппов призвал граждан своего внутреннего отечества к мужеству и уцепился рукой за спинку дивана. После двух-трех колебательных движений, в результате которых желудок едва не заявил о своем добровольном выходе из состава федерации, Филиппову удалось найти точку консенсуса. Он замер в более-менее вертикальном положении,

сглотнул сухую слюну, оглядел свой безнадежно измятый костюм и перевел взгляд на то, что говорило мерзким голосом.

— Ты кто?

— Ну, спасибо.

— Не могла, что ли, пиджак снять?.. Он, между прочим, от Burberry.

— Вы сами не дали. Сказали, что вам будет холодно.

— Могла бы... пледик какой-нибудь принести... А где все?

— Кто все?

— Ну эти... Кто тут живет...

Ночные люди вспоминались расплывчатым безликим пятном. Никого из них Филиппов прежде не знал. Даже то, каким образом он очутился на этой вечеринке, ускользало от него, едва брезжило в опухшей, воспаленной, сильно заплывшей памяти. В голове у него мелькали обрывки какой-то невероятно гадкой попсовой мелодии, от которой очень хотелось избавиться, но мотивчик не отпускал. Человеческие пятна дружно крутились под эту тошнотворно бодрую музыку, и его собственная тошнота незаметно совпала с общим ритмом.

— Где туалет? — успел спросить он.

— По коридору налево, вторая дверь.

* * *

Следом за слухом и зрением к нему наконец вернулись и запахи. Обоняние чуть запоздало, но быстро наверстало свое. Филиппов, не ожидая новых подвохов, вяло плескал

воду из-под крана в свое пластиковое, совершенно онемевшее лицо, как вдруг его настиг удрушающий запах паленой шерсти, и он снова ринулся к унитазу. После приступа жутких конвульсий, кашля и слез ему удалось выдавить на сверкающий фаянс жалкую каплю желчи.

— Надо было съесть утром хоть что-нибудь, — сказал ему внутренний голос.

— Да пошел ты, — ответил голосу Филиппов, и ответ его прозвучал весомо и гулко, усиленный чашей унитаза.

Сам себя в этот момент он вдруг ощутил маленькой Алисой, которая заглядывает в кроличью нору, прислушиваясь к звукам собственного голоса и удивляясь бесконечности пространства, скрывающегося за черной дырой. Одинокая капля желчи нерешительно скользнула в бездонные глубины канализации, а Филиппов все никак не мог подняться с колен, как будто скользнул туда следом за нею. Правда, вместо сумасшедшего шляпника, ухмыляющегося кота и в хлам обкурившейся гусеницы ему неожиданно явился демон пустоты. Он ржал над ним, требовал наполнения, новых вечеринок, новых людей, односолодового вискаря, дорогой жратвы и попсовых нон-стоп мелодий.

— Полжизни бухаешь, — глумился демон над Филипповым. — А кто тебе это время вернет? Думаешь потом, как НДС, на таможне его получить? Явился в аэропорт вылета, предъявил чеки, показал купленное шмотье — и распишись в получении? Нет, чувак, не прокатит. Половину второй половины жизни ты спишь...

— Да пошел ты, — повторил Филиппов, обрывая ладонью нитку горькой слюны, которая тягуче свисала у него из угла рта и никак не хотела кончаться. — Достал...

— Сам достал, — заржал демон, со свистом скрываясь в таких таинственных недрах, какие Льюису Кэрроллу и не снились.

Откуда-то снова вдруг нанесло запахом паленой шерсти. Филиппов содрогнулся, не в силах выдавить из себя еще хоть что-нибудь, и боль, порожденная этим тщетным усилием, осветила его мозг подобно сигнальной ракете. Стали видны самые дальние, самые темные закоулки, а запах швырнул его в далекое прошлое, когда он с родителями приезжал к бабушке на праздник убийства свиньи.

Поросят всегда брали по двое. Называли их Мишка и Зинка, отчего Филиппов подспудно всю жизнь потом сторонился людей с этими именами. Целый год их выкармливали, а резали осенью на 7 ноября. Никакой исторической метафоры, конечно, тут не было — просто подгадывали к празднику. К тому же свинину в таких количествах можно было держать в погребе только по холодам. Маленький Филиппов прятался в бане или убегал за ворота, чтобы не слышать отчаянный визг и не думать о том, что там делают свинкам, однако запах паленой щетины, после того как забитые туши обжигали паяльной лампой, пропитывал все вокруг. Его источала даже мамина праздничная блузка, когда он прижимался к ней во время застолья, и все вокруг уже перекрикивали друг друга, думая, что поют.

— Эй! — забарабанила в дверь озабоченная темой такси девушка. — Вы там не уснули?

Филиппов поморщился, сплюнул в унитаз и, пытаясь не расплескать головную боль, медленно поднялся с колен.

— Все в порядке, — подал он голос. — Я выхожу.

Задержавшись у зеркала, он обнаружил наконец источник зловония. Его собственная борода и усы справа были заметно оплавлены, а кончики щетины покрыты неожиданно красивой россыпью крохотных и как будто стеклянных шариков. Это место у него на лице напоминало теперь какое-то морское животное с плотной массой коротких полупрозрачных щупалец или свод глубокой пещеры, покрытый хрупкими и очень мелкими сталактитами. На губах продолговатыми слизняками светились белесые пятна ожогов.

Кто подпалил ему бороду и зачем — Филиппов не помнил.

* * *

— Тоже уходишь? — сказал он, выходя из ванной комнаты и поднимая полный печали взгляд на девушку.

Та в расстегнутой красной куртке стояла посреди прихожей. В руках она держала филипповское пальто.

— Я с вами.

— Куда? — Филиппов остановился и попытался припомнить свои планы.

Планы не припоминались.

— На Север.

— Зачем?

— Сияние смотреть... Строганину кушать... Вы обещали.

— Да? — Он грустно вздохнул и ощутил, как воздух вокруг него заблагоухал восемнадцатилетним, не до конца еще растворившимся в нем Balblair. — Только это пообещал?

— Нет, еще жениться.

— Понятно... А ты кто? Напомни, пожалуйста.

Девушка улыбнулась, и Филиппов понял, почему ночью их отношения приняли такой оборот.

— Я — Нина.

— Не ври.

— Правда.

Он провел по лицу влажной ладонью, как будто хотел что-то стереть.

— Фотомодель?

— Да. Я же вам вчера говорила. Уже полгода работаю.

— Молодец... Скажи, я тебе банковскую карточку не дарил?

— Нет.

— А что подарил?

— Телефон.

— Дай, пожалуйста, на минуту.

Она вынула из кармана куртки черный iPhone и протянула его Филиппову. Просмотрев сообщения, он поморщился, не найдя того, что искал, затем вытащил SIM-карту и вернул телефон девушке.

— Ты красивая, Нина.

— Спасибо... То есть не возьмете меня на Север?

— Нет. Я и сам не хочу туда ехать.

— И в спектакле своем роль не дадите?

— А ты актриса?

— Нет.

— Значит, не дам.

Она загрустила.

— Жалко... Я вам поверила.

Филиппов забрал у нее из рук свое пальто и опять вздохнул так глубоко, что в прихожей ощутимо проступили обrazy далекого, но прекрасного шотландского нагорья.

— Завидую, — сказал он.

* * *

На Север Филиппову надо было по двум причинам. Во-первых, он был скотина. А во-вторых, он был трус. Собственно, поэтому он и напился в совершенно незнакомой компании до такой степени, что какая-то Нина разбудила его в чужой прихожей. Как он туда попал, ему вспоминалось туманно.

Усевшись в такси, он закурил и тут же выбросил сигарету в окно. Следом за ней полетела вся пачка.

— Лучше бы мне отдали, — сказал таксист.

— В другой раз.

Филиппов опустил взгляд и увидел, зачем таксист просил у него сигареты. В глубоком пластиковом кармане на дверце тесными рядами стояли картонные пачки «Мальборо», «LM», «Золотой Явы» и еще какого-то барахла. Штук тридцать, не меньше.

— На зиму запасаясь?

— Они пустые.

Филиппов протянул руку и открыл одну из пачек.

— Тогда зачем?

— Как «зачем»? — снисходительно усмехнулся таксист. — Пассажир сядет, курить захочет — а пепел ему куда трясти? У меня же пепельница давно сломалась.

— Логично, — одобрил Филиппов и устроился поудобней.

Мир идиотов был близок ему не только по профессии. Еще до своего успеха, задолго до того, как он начал подмигивать своей роже, глазевшей на него с журнальных обложек из газетных киосков, Филиппову нравилось вести себя так, чтобы люди злились на него или даже лезли подраться. Сидя без копейки денег однажды зимой на даче у своих знакомых, которые пустили его туда под предлогом охраны дома, он подружился с тамошней крысой, назвал ее Петька, научил по особому свисту забираться в коробку из-под чужих ботинок «Salamander», а потом ходил с этой коробкой на встречи с кинопродюсерами и худруками самых известных московских театров. На вопрос, что у него в коробке, он всегда честно приподнимал крышку. Старым друзьям по театральному институту, которых становилось все меньше и меньше и которые совершенно не удивлялись его неудачам, Филиппов объяснял, что Петька дорог ему не просто как друг. Петька сумел объяснить ему, кто он такой на самом деле.

— Сам посуди, — говорил он одному из последних своих друзей, еще соглашавшихся платить за него в ресторане. — Я утром на этой даче встаю, шарю по всем шкафам и нахожу только пакет из-под чипсов. И в нем ни фиги. Я думаю — долбаный ты пинк фloyd, какие шутки. Жрать ведь охота. А у меня только хлеб. И то — два кусочка. Потому что крысы почти всё у меня спороли. Я этот хлеб — в бумажный пакет, и на веревку повесил, чтобы они до него не добрались. А веревка такая, знаешь, через всю комнату. Типа, белье сушить. Короче,

я захожу, а этот орел по ней ползет, по веревке, прямо к пакету. Вверх ногами, как альпинист. Я думаю — ну, совсем оборзели. Беру свою битку, подхожу к нему, размахиваюсь, а ударить вдруг не могу.

— Почему?

— Да ты понимаешь... Он так настырно лез. Как танк. Смотрит на меня и все равно прет. Знает ведь, что я долбану, и не останавливается. И тут я думаю — блин, это же я. Он — как я, понимаешь?

— Нет.

— Ладно, забей. Возьми мне еще полтишок. А еды больше не надо.

Дружба Филиппова с Петькой продлилась недолго. Как-то раз он, будучи сильно пьяным, уронил коробку со своим другом в полупустом вагоне метро и, когда его начали бить два щеголеватых кавказца, трижды успел заявить, что животное не его. Так он отрекся от своего Петра и заодно выяснил про себя, что он трус.

— Куда летим? — дружелюбно поинтересовался таксист, прерывая туманные воспоминания.

Филиппов открыл глаза, но головы не повернул.

— На кудькину гору.

— А чего так грубо?

— Будешь разговаривать, я другую машину возьму.

* * *

В обморок в самолете он хлопнулся, в общем-то, по своему собственному желанию. Еще сидя в баре перед выходом

Оглавление

Действие первое

ЗАМОРОЗКИ 7

Антракт

ДЕМОН ПУСТОТЫ 115

Действие второе

ТОЧКА ЗАМЕРЗАНИЯ..... 119

Антракт

ГИБЕЛЬ НИНЫ..... 219

Действие третье

АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ..... 225